

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
ПРОЕКТ**

-РАСПУТЬЕ- • -РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ-

Александр Зиновьев

Несостоявшийся проект (сборник)

«Издательство АСТ»

2009

Зиновьев А. А.

Несостоявшийся проект (сборник) / А. А. Зиновьев —
«Издательство АСТ», 2009

В сборнике «Несостоявшийся проект» представлены две знаменитые книги А. А. Зиновьева – «Распутье» и «Русская трагедия». В них автор рассказывает об истинных причинах краха советской политической системы, анализирует различные периоды истории нашей страны и делает прогнозы относительно будущего развития России.

© Зиновьев А. А., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

РАСПУТЬЕ	5
Часть первая	5
О социальном статусе марксизма	5
О Сталине и сталинизме	9
Советский образ жизни	14
Советский вклад в социальный прогресс человечества	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Александрович Зиновьев

Несостоявшийся проект

(Сборник)

РАСПУТЬЕ

Часть первая

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О социальном статусе марксизма

Вопрос о социальном статусе марксизма приобретает особо важное значение в связи с тем, что со всей очевидностью обнаружилось отвратительные язвы коммунистического общества, которое строилось и строится якобы по марксистскому проекту. Чтобы разобраться в этом вопросе, надо провести предварительно по крайней мере следующие различия: 1) между наукой, религией и идеологией; 2) между претензиями марксизма и его реальными делами, между его приспособительной формой и маскируемой сущностью; 3) между ролью марксизма в условиях, когда определенная категория людей ищет решения проблем буржуазного или иного несоциалистического (некоммунистического) общества и рвется к власти с намерением решить эти проблемы (по крайней мере для себя), и ролью марксизма в условиях общества, в котором он стал господствующей государственной идеологией, в котором определенного рода люди захватили власть и начали строить или уже построили новое, социалистическое (или коммунистическое) общество. Кроме того, надо делать различия между устойчивым ядром (сутью) марксизма и его вариациями в зависимости от места и времени.

С самого начала оговорюсь, что коммунистическим обществом я называю общество такого социального типа, какое сложилось в Советском Союзе и является классическим образцом для всех прочих стран, идущих по тому же пути (с незначительными отклонениями, обусловленными историческими особенностями этих стран, а отнюдь не переделками в их марксистских проектах). Впрочем, если кому-то такое словоупотребление не нравится, я на нем не настаиваю, ибо речь пойдет о более конкретном явлении – о марксизме.

Наука, религия и идеология не существуют изолированно друг от друга и в чистом виде, т. е. без элементов друг друга и без взаимного влияния. Религиозные учения претендуют на создание картины мира и на объяснение различных явлений природы и общества, религиозные организации выполняют идеологические функции, наука содержит многочисленные элементы идеологии, дает материал для последней и используется ею и т. д. Однако в наше время можно отчетливо видеть и различие этих явлений. Возникли антирелигиозные идеологии, необычайного развития достигла наука, отобрав у религии и идеологии функции познания окружающего человека мира и самого человека, утратили былую идеологическую роль многие религиозные учения и оттеснены на задний план истории и т. д. И можно достаточно определенно фиксировать различие функций рассматриваемых явлений в общественной жизни.

Задача науки – поставлять обществу знания, разрабатывать методы получения и использования знаний. Употребляемые в науке понятия имеют тенденцию к ясности, определенности, однозначности. А формулируемые в науке утверждения по идее (и в тенденции) допускают возможность проверки, т. е. подтверждения, доказательства, опровержения. Религия же имеет

дело с явлениями души, с религиозными чувствами людей, с верой. Идеология в отличие от науки конструируется из неопределенных, многосмысленных языковых выражений, предполагающих некое истолкование. Утверждения идеологии нельзя доказать и подтвердить экспериментально и нельзя опровергнуть – они бессмысленны. В отличие от религии идеология требует не веры в ее постулаты, а формального признания или принятия их. Религия невозможна без веры в то, что она провозглашает. Идеология же может процветать при полном неверии в ее лозунги и программы. Это очень важно различать. Часто приходится слышать недоумение по поводу такого факта: в Советском Союзе никто не верит в официальную идеологию, а между тем она там процветает. В чем дело? Да в том, что в идеологию не верят, ее принимают. Вера есть состояние человеческой психики, души. А признание (принятие) есть лишь определенная форма социального поведения. Когда верят в идеологию, то происходит историческое смещение, в результате которого идеология присваивает несвойственные ей как таковой функции религии. Когда доводами разума пытаются доказывать или опровергать принципы идеологии, то смешивают ее с наукой. Задача идеологии – не открытие новых истин о природе, обществе или человеке, а организация общественного сознания, управление людьми путем приведения их сознания к некоторому установленному общественному образцу. Идеология может начаться с претензией на то, чтобы быть наукой. Но, став идеологией, она теряет все основные признаки науки. Идеология может заимствовать из науки ее понятия и утверждения. Но, став элементами идеологии, последние теряют характер элементов науки, становятся неопределенными и непроверяемыми. В рамках идеологии могут высказываться научные идеи, суждения, гипотезы. Но они не определяют общую ситуацию в идеологии. Лица, высказывающие подобное, делают это не в качестве идеологов, а в качестве ученых, волею обстоятельств вовлеченных в идеологию.

Идеологические тексты и речи, конечно, действуют сами по себе на отдельных индивидов. Но не в этом специфический способ воздействия идеологии на людей. Идеология рассчитана на массы людей. А тут нужен специальный аппарат признания ее. Причем признания обычно без понимания, ибо понять в принципе невозможно или не стоит труда. Или не до этого. И признания без веры. И такой аппарат формируется. Его задача – принуждать людей к признанию идеологии, карать тех, кто сопротивляется. Конечно, в этом есть и элемент добровольности, ибо признание идеологии в условиях ее господства позволяет многим людям добиваться успеха в карьере и иметь какие-то блага. Для многих без признания идеологии вообще невозможно существование. Таким же аппаратом принуждения обладала в свое время, например, и христианская церковь. Но церковь сочетала в себе не только религиозные функции, но и идеологические. И порой использовала первые в интересах вторых. Возможность разделения и даже противопоставления этих функций обнаружилась сравнительно недавно, когда стали возникать антирелигиозные идеологии (марксизм, национал-социализм).

Обратимся теперь к марксизму. Исторически он возникал как претензия на научное понимание всего на свете. Известно, что Маркс даже математикой занимался. Хотя он так и не сумел разобраться в вопросах, теперь понятных даже бестолковым школьникам, соответствующие мудрые указания потомкам он все же оставил. Про Энгельса и говорить не приходится. Тот охватил все формы движения материи от механического перемещения до мышления. Объяснил возникновение семьи, частной собственности, государства. И наговорил во всем столько всякой ерунды, что теперь все академии наук мира надо было бы бросить на исправление его ошибок и нелепостей. У Ленина тоже: что ни слово, то вклад в науку. Он и логику ухитрился развить, не имея ни малейшего представления о современном ему состоянии логики, познакомившись с ней по гимназическому учебнику и из бредовых идей Гегеля.

С претензией на научность марксизм существует и теперь. Он декларирует себя в качестве науки, причем в качестве высшей науки, самой научной науки. Специалисты по марксизму готовятся в университетах внешне так же, как специалисты по физике, химии, биологии,

математике... Часто они готовятся вместе со специалистами для науки, в их среде, так что их различие обнаруживается лишь впоследствии, когда они начинают играть различные роли (когда, например, один физик начинает проводить исследования в области микрофизики, а другой пишет книги о значении высказываний Ленина и Энгельса для развития физики; когда один математик доказывает теоремы, а другой занимается демагогией насчет гениальных идей классиков марксизма в математике и рассматривает пару плюс и минус по аналогии с парой буржуазии и пролетариата). Специалисты по марксизму получают ученые степени и звания, избираются в академии наук и т. д. И надо признать, что кое-что в рамках марксизма делается такое, что похоже на науку и что можно рассматривать с научной точки зрения. Однако в главном и целом марксизм (по крайней мере в Советском Союзе) давно утратил признаки науки и превратился в идеологию в самом строгом смысле этого слова. Может быть, он являет теперь самый классический образец идеологии. Такова ирония истории. Марксисты до сих пор настаивают на том, что благодаря марксизму философия впервые стала наукой. Фактическое же положение прямо противоположно этому: именно с марксизмом и в марксизме философия впервые в истории утратила качества науки и стала ядром и составной частью идеологии. Когда казалось, что философия достигла максимума научности, она на самом деле отделилась от науки на максимально далекое расстояние.

Стремление марксизма выгладеть наукой объясняется комплексом причин как исторического, так и социально-структурного (имеются в виду действующие сейчас причины) порядка. Наука приобретала, а в наше время приобрела такое значение в жизни общества, что выступать не от имени науки было бы просто старомодно. Были иллюзии, будто земной рай можно обосновать научно. Марксизм возникал в борьбе с религией и различными формами идеологии, связанными с нею, противопоставляя им научный взгляд на все происходящее в мире. Сама наука в то время имела такой вид, что провести четкое различие между нею и идеологией было невозможно. Это и сейчас еще не так просто сделать. В самых современных науках и сейчас всякого идеологического вздора появляется не меньше, чем в прошлые века.

Но главное, что определяет наукообразный вид марксистской идеологии в сформировавшемся коммунистическом (советском) обществе, – это ее фактическая роль в функционировании этого общества: роль средства управления массами людей, средства стандартизации их поведения, средства эксплуатации низших слоев населения высшими и т. д. Марксизм маскируется под науку, и благодаря этому ему легче изобразить сложившееся общество как высший и закономерный продукт объективных законов истории, изобразить деятельность руководства как деятельность от имени этих объективных законов, изобразить всякий корыстный интерес и идиотизм руководства как гениальное научное предвидение и т. д. и т. п. Первые годы (и даже десятилетия) существования советского общества для некоторой части населения (для большой и активной) марксизм играл роль, подобную религии. Была вера в его постулаты и лозунги. Он владел душами этих людей. Но постепенно эта вера испарилась (особенно после Второй мировой войны). И марксистская идеология, естественно, стала еще более интенсивно привлекать себе в сообщники науку, прикидываясь другом и покровителем науки и, само собой разумеется, высшей наукой. Одним насилем идеологию не навяжешь достаточно прочно. Веры нет. А в наш век научного безумия было бы непростительной глупостью для господствующей государственной идеологии не идти в ногу со временем.

Но марксизм возникал не только как претензия на научное понимание всего на свете, а и как выражение интересов и мечтаний угнетенных и обиженных классов общества, как выражение вековых мечтаний человечества о рае земном. А мечты и желания по своей природе не имеют ничего общего с наукой. Социальные мечты суть утопии. Превращение же утопии в науку исключено – об этом говорят настоящая наука и практический опыт человечества.

А тот факт, что марксизм не только в качестве могучей организации людей, но и по своему текстуальному виду не есть наука, можно установить путем анализа любых его понятий и

утверждений, начиная с понятия материи и кончая понятием «научного коммунизма». Ни одно понятие в марксизме (буквально ни одно!) не удовлетворяет логическим правилам построения научных понятий. Ни одно утверждение марксизма (не считая пустых банальностей) не может быть верифицировано по правилам проверки научных утверждений. Например, громя неугодных ему философов (а эти погромы основателями марксизма инакомыслящих суть теоретическая подготовка к будущим массовым репрессиям) и выдавая за свои открытия украденные у них мысли (что тоже в духе марксизма), Ленин дает «свое» знаменитое «определение» материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях. При этом он наивно (т. е. по невежеству) полагает, что «материя» – самое общее понятие. Но даже начинающим студентам (а порой и школьникам) известно, что по правилам определения понятий выражение «объективная реальность» будет более общим, чем «материя», а оба выражения «объективная реальность» и «данная нам в ощущениях» с точки зрения построения понятий более «первичны», чем «материя». Я уж не говорю о том, что выражение «объективная реальность» ничуть не яснее по значению, чем «материя». Но такого рода глубокомысленные по видимости (и пустые по существу) выражения производят впечатление высокой науки. И нередко даже на крупных ученых. Впрочем, тут удивляться не стоит, ибо среди ученых кретинов встречается не меньше, чем среди представителей других профессий. Придумывая свой коммунистический земной рай (и называя свои вымыслы, естественно, научным коммунизмом), основатели марксизма и их последователи игнорируют тот факт, что наука невозможна, если не существует ее предмет. Но если даже рассматривать их «научный коммунизм» как проект будущего общества, то и тут можно увидеть игнорирование самих азов действительно научного подхода к обществу. Например, они совершенно игнорируют факт дифференциации общества на социальные группы и иерархию последних, неизбежное разделение общества на слои с различными жизненными условиями, разнообразие видов деятельности и социальных позиций людей, вследствие которых знаменитые лозунги «каждому по труду» и «каждому по потребности» либо превращаются в пропагандистские пустышки (если их понимать буквально), либо реализуются в форме, ничего общего не имеющей с их текстуальным видом (а именно – труд начальника оценивается выше, чем труд подчиненных, а потребности определяются в зависимости от социального положения индивидов).

Но самым сильным показателем того, что марксизм есть идеология, но не наука, служит отношение марксизма к опыту реальных коммунистических (или социалистических) обществ, которые считаются построенными по его проекту. Марксизм не способен отразить этот опыт даже на том интеллектуальном уровне, на каком он критиковал капиталистическое общество. Более чем шестидесятилетний опыт Советского Союза и опыт многих других коммунистических стран дал и дает совершенно бесспорные свидетельства о природе этого общества. Массовые репрессии, низкий жизненный уровень для большей части населения, прикрепление к местам жительства и работы, колоссальные различия в жизненном уровне высших и низших слоев населения, подавление всякого инакомыслия, отсутствие гражданских свобод, карьеризм, взяточничество, система привилегий, бесхозяйственность, расточительность на руководящие спектакли, милитаризация и т. д. и т. п. И как на эти факты реагирует марксизм? Советский марксизм (и марксизм других коммунистических стран) эти факты просто не признает, считая всякие разговоры о них клеветой на советский (или иной коммунистический) образ жизни. Западный марксизм уверяет, что западные коммунисты построят коммунистическое общество без этих недостатков и сохранив достоинства обществ западной демократии. Трудно придумать что-либо более несуразное именно с научной точки зрения. Именно научное исследование реального (а не выдуманного, идеологического) коммунизма могло бы без особого труда обнаружить, что все эти факты не случайны, что они вырастают из самих основ коммунистического строя жизни, что они суть неизбежные спутники реализации именно положительных идеалов марксизма. Хотя марксизм и начинал свою историческую карьеру с намерения

научно объяснить ход общественного развития, закончил он ее полным отказом от научного понимания общества, в котором завоевал роль господствующей государственной идеологии.

Я думаю, что нет надобности рассказывать о поведении марксизма в качестве идеологического диктатора в прошедшей истории Советского Союза. Оно всем хорошо известно. Это – подлости, подлоги, преступления... Если бы в деталях описать все содеянное идеологическим аппаратом марксизма за годы советской истории, даже враги марксизма не поверили бы в правдивость этой картины. Говорят, что марксисты руководствовались добрыми намерениями. Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Но утверждение о благих намерениях тут ложно. Никаких иных намерений, кроме пожеланий живых людей – участников этой марксистской армии идеологов – удовлетворить свои эгоистические потребности, тут не было. И быть не может по социальным законам истории. Я имею в виду нормальные социальные законы, а не ту бессмысленную марксистскую болтовню о законах общества, которыми задурили головы миллионам обывателей.

Марксизм оказался в высшей степени удобным в качестве идеологии побеждающих коммунистических режимов вовсе не потому, что он научен. Если бы он был наукой, да еще высшей, он успеха иметь не мог бы. На изучение науки, как известно, нужно специальное образование. Нужны годы и годы. Он оказался удобным именно потому, что породил огромный поток идеологических текстов, демагогических обещаний и лозунгов, похожих на науку, но не требующих никакой научной подготовки. При желании можно с поразительной быстротой научиться продуцировать марксистские тексты и речи абсолютно для любой ситуации. А для властей марксизм дает чудесный метод и богатую фразеологию для оправдания любой их пакости. Любой руководящий кретин может сделать вклад в «науку», если, конечно, ему позволят (или сочтут это нужным) его соратники. Именно неопределенность и бесформенность понятий, и бессмысленность утверждений марксизма, и необходимость не буквального его понимания, а истолкования делают его удобным для господствующих слоев общества, ибо истолкование марксизма становится прерогативой высшего партийного руководства. В марксизме написано такое множество разнообразных фраз, что на все случаи жизни можно выбрать подходящие фразы и истолковать их в желаемом духе. Эту работу и выполняет огромный марксистский идеологический аппарат.

Алкала, 1978

О Сталине и сталинизме

Оценка личности Сталина немислима без оценки эпохи, неразрывно связанной с его именем, – эпохи сталинизма. Что такое Сталин без сталинизма? Человек невысокого роста. Недоучившийся малограмотный семинарист. Рябой. С грузинским акцентом. Был коварен, мстителен и жесток. Оставлял жирные пятна на страницах книг... А не слишком ли это жидко для характеристики человека, владевшего и до сих пор еще владеющего умами и сердцами миллионов людей?! После урагана разоблачений ужасов сталинского периода, который (ураган) начался со знаменитого доклада Хрущева и достиг апогея с появлением не менее знаменитого «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, прочно утвердилось представление о сталинском периоде исключительно как о периоде злодейства, как о черном провале в ходе истории, а о Сталине – как о самом злодейском злодее из всех злодеев в человеческой истории. В результате теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв сталинизма и дефектов его вдохновителя. Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И все же я рискну отступить от разоблачительно-критической линии и высказаться в защиту... нет, не Сталина и сталинизма, а лишь возможности объективного понимания их. Время эмоций на эту тему прошло. Настало

время не только обличать злодейство, но и подумать о его исторической сущности и истоках. Выросло это злодейство из темных душ кучки злоумышленников как некое отступление от благопристойных норм человеческой истории, или оно явило человечеству поучительный пример того, что на самом деле с необходимостью получается, когда самые светлые идеалы и мечты человечества воплощаются в жизнь, – вот в чем вопрос.

Кроме того, мне кажется, что я имею и моральное право на такой риск. Я с юности не питал никаких симпатий к Сталину и сталинизму. Еще в 1939 году я открыто выступил против культа Сталина, за что был исключен из комсомола и из института, направлен в психиатрический диспансер для обследования, а затем доставлен на Лубянку. В диспансере меня признали психически здоровым, чего не сделали бы в либеральные послесталинские времена. А из лап органов государственной безопасности мне удалось ускользнуть. И вплоть до хрущевского доклада моим тайным призванием была антисталинистская пропаганда. Должен признать, что я не был единственным в своем роде. В хрущевские годы дело критики сталинизма взяли в свои руки сами бывшие заядлые сталинисты, и мой антисталинизм утратил смысл. И я обрел способность отнестись к нему спокойно, т. е. не с ненавистью, а с презрением.

А моя мать до самой смерти (она умерла в 1968 г.) хранила в Евангелии портрет Сталина. Она пережила все ужасы коллективизации, войны и послевоенных лет. Если бы в деталях описать, что ей пришлось вынести, западный читатель не поверил бы. И все-таки она хранила портрет Сталина. Почему? В ответе на этот вопрос лежит ключ к пониманию сущности сталинизма. Дело в том, что, несмотря на все ужасы сталинизма, это было подлинное народовластие, это было народовластие в самом глубоком (не скажу, что в хорошем) смысле слова, а сам Сталин был подлинно народным вождем. Народовластие – это не обязательно хорошо. Зверства сталинизма были характерным выражением народовластия в тот период. И этому ничуть не противоречит то, что одновременно это было и насилием над самим народом. Народный вождь – это не обязательно мудрый и добрый человек. Иногда народные вожди бывают отпетыми мерзавцами. И иногда сами они глубоко презирают народ, ибо знают, что такое народные массы в реальности, а не в книжках и в доктринах. Именно Сталин, а не Ленин был народным вождем, ибо у Ленина тех гнусных качеств, какие приписываются Сталину, было недостаточно, чтобы стать народным вождем.

Чтобы ответить на вопрос о сущности сталинизма, надо установить, чьи интересы выражал Сталин, кто за ним шел. Почему моя мать хранила портрет Сталина? Она была крестьянка. До коллективизации наша семья жила неплохо. Но какой ценой это доставалось? Тяжкий труд с рассвета до заката. А какие перспективы были у ее детей (одиннадцать душ!)? Стать крестьянами, в лучшем случае – мастеровыми. Началась коллективизация. Разорение деревни. Бегство людей в города. А результат этого? В нашей семье один человек стал профессором, другой – директором завода, третий – полковником, трое стали инженерами. И нечто подобное происходило в миллионах других семей. Я не хочу здесь употреблять оценочные выражения «плохо» и «хорошо». Я хочу лишь сказать, что в эту эпоху в стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъем многих миллионов людей из самых низов общества в мастера, инженеры, учителя, врачи, артисты, офицеры, ученые, писатели, директора и т. д. и т. п. Не играет роли проблема, могло бы или нет произойти нечто подобное в России без сталинизма. Для участников процесса это фактически происходило во время сталинизма и, казалось, благодаря ему. И действительно, во многом благодаря ему. Вот эти миллионы людей, вовлекавшие в сферу своих переживаний миллионы других, и явились опорой и ударной силой сталинизма. Конечно, не только реальные успехи людей, но и иллюзии играли тут роль. Но иллюзии не насчет марксистских сказок (в них верили мало), а насчет очень простых вещей: улучшения бытовых условий и душевных отношений между людьми. Для меня и многих моих сверстников отдельная койка с чистыми простынями и трехразовое, регулярное питание казались пределом мечтаний. Хотя многие из нас не верили в марксистские сказки и понимали суть реального

коммунизма, но и у нас были надежды на эту отдельную койку и сытный обед. Эти надежды пересиливали наше негативное отношение к нарождающемуся обществу. Хотели мы этого или нет, они связывались с именем Сталина. При оценке личности надо учитывать не только ее субъективные качества, но и то, как она отображается в сознании окружающих. А Сталин в сознании окружающих отображался не только и не столько как мерзавец, сколько как символ этого великого процесса. Это была серьезная история, а не просто насилие кучки жестоких злоумышленников над добрым и обманутым народом. Народ обманут не был. Не забывайте, что в самих массовых репрессиях сталинских времен, в которых пострадали миллионы простых людей, принимали активное участие миллионы других простых людей, причем одни и те же люди часто играли роль палачей и жертв. Эти репрессии тоже были проявлением самодеятельности широких масс населения. И теперь трудно выяснить, чья доля в них больше – доля высших злоумышленников во главе со Сталиным или доля этих широких якобы обманутых масс населения. Жертвы сталинизма – это лишь половина правды о нем. Есть другая половина, а именно та, что жертвы были помощниками и соучастниками своих палачей. Жертвы были адекватны породившей их эпохе. Ужас эпохи становления коммунизма состоит не столько в факте жертв, сколько в том, что получает преимущества, отбирается и выживает тип человека, готового пойти на жертвы и сделать своими жертвами других людей. Сталин был ярчайшим выразителем этой психологической революции. Мне кажется, что сталинские репрессии принесли Сталину больше божественного почитания, чем его неуклонная политика ежегодного копеечного снижения цен на продукты питания.

Сталин был преемником Ленина, а сталинизм – преемником ленинизма. Есть различные мнения об их взаимоотношениях. Одни говорят, что Сталин был верным учеником и продолжателем дела Ленина. Другие говорят, что Сталин изменил делу Ленина. Думаю, что те и другие по-своему правы. Но тут есть иной разрез понимания, который более существен для оценки Сталина и сталинизма. Я различаю две струи в том потоке жизни, который пронесся в Советском Союзе в результате революции, а именно – струю конкретно-историческую и струю общесоциологическую. В первой из них люди влезали на броневики, размахивали маузерами, захватывали телефонные станции, ставили к стенке, носились с шашкой наголо и с криками «ура»... Это было на виду. В другой струе в это время тихо и незаметно зрело новое дитя – будущее коммунистическое общество. Оно зрело самым прозаическим образом: создавались бесчисленные конторы и должности, рос и дифференцировался аппарат власти, запуская свои щупальца во все клеточки общества, присваивались чины, распределялись жизненные блага... Когда лавина драматической истории унеслась в прошлое и поднятая ею пыль осела, стало ясно, ради чего на самом деле произносились речи, сверкали клинки, гремели крики «ура». Реальное новое общество с его дотошной системой власти и управления уже родилось и выдвинуло на арену истории своих подлинных деятелей. Так вот Ленин и его гвардия представляли первую струю процесса, а Сталин со своими сообщниками – вторую. Почему-то, говоря о Ленине, считают уместным слово «гвардия», а говоря о Сталине, употребляют слово «сообщники». С именем Ленина связан лишь предреволюционный период истории партии и период физического выживания страны с младенцем нового общества во чреве. С именем Сталина связано становление нового общества, превращение слабого зародыша в могучее зрелое существо. Могучее, подчеркиваю, не обязательно хорошее. Крокодил, как известно, силен, но приятности в нем мало, если не считать того, что его шкура годится на дамские сумочки. Ленин есть предыстория реального коммунизма. Реальная же, собственная история коммунизма начинается со Сталина. Именно этим, а не отрицательными личными качествами объясняется победа Сталина и его сообщников (не гвардии, конечно) над Троцким, Зиновьевым, Бухариным и прочими болтунами из ленинской гвардии (само собой разумеется). Дело тут не в уме одних (Сталин, говорят, был куда глупее Троцкого) и в глупости других (Троцкий, говорят, был куда умнее Сталина). Дело в стечении обстоятельств. Дело в том, какие социальные силы выходили на

арену истории и захватывали инициативу в миллионах клеточек жизни гигантского общества. Сталинизм, а не ленинизм есть наиболее полное проявление сути коммунизма. Ленинизм есть лишь подготовка к сталинизму, есть лишь зародыш его, а еще точнее – лишь место, в котором зрел зародыш. И его постигла участь, какую он и заслужил исторически. Между прочим, мне недавно довелось перечитать некоторые сочинения упомянутых выше противников Сталина. Я не заметил абсолютно никаких интеллектуальных преимуществ их перед Сталиным. Я не хочу этим сказать, что Сталин был умен. Я хочу этим сказать лишь то, что его противники не были умнее его.

Раз уж речь зашла об уме, самое время сказать несколько слов о Сталине как теоретике. Общеизвестно, что Сталин якобы вульгаризировал марксизм. Но поставьте такой вопрос: что нового внесли советские философы в марксизм после смерти Сталина, если отбросить их безудержное словоблудие и всяческие пустячки? Попробуйте беспристрастно ответить на этот вопрос, и у вас, может быть, зародится сомнение в уместности тут слова «вульгаризация». Конечно, тут имела место какая-то вульгаризация отдельных мыслей основоположников марксизма. Но только ли это? И вульгаризация ли это на самом деле? О вульгаризации можно говорить, если первоисточники представляют собою вершины (или глубины?) премудрости. Но если рассмотреть эти первоисточники доскональным образом с точки зрения строгих научных критериев, то обнаружится, что и вульгаризировать-то нечего было. Было что очищать от словесной шелухи. Было кое-что, чему можно было придать удобоваримый вид, пересказав нормальным человеческим языком. Но вульгаризировать? Я не знаю, был ли Сталин сам автором приписываемых ему сочинений. Но одно я знаю определенно: сочинения Сталина и явились той живой мышью, которую родила гора текстов марксизма. Из последних для нужд великой идеологической революции, происходившей в стране, просто нельзя было выжать больше. А в качестве идеологических текстов, рассчитанных на миллионные массы населения с очень низким культурным уровнем, сталинские сочинения были наилучшими из всего того, что было написано в марксизме. Приписываемая Сталину работа «О диалектическом и историческом материализме» на самом деле явилась вершиной марксизма как идеологии, фактически до сих пор в Советском Союзе в основе всей идеологической работы, так или иначе, лежат результаты идеологической революции, осуществленной по крайней мере именем Сталина. Если хотите постичь самое глубинное содержание марксистского учения, прочитайте сочинения Сталина. Это нелепая иллюзия, будто в марксизме еще остались некие интеллектуальные высоты и тонкости, замолчанные или искаженные вульгаризаторами, будто существует некий истинный марксизм, не имеющий ничего общего с мрачными проявлениями его в качестве государственной идеологии коммунистического общества. Конечно, в сочинениях основателей марксизма есть кое-что, что может быть истолковано как явление высокой духовной культуры. Но это «кое-что» не есть специфический продукт марксизма. Это заимствовано у предшественников и современников, главным образом – в форме их погромов. Кстати сказать, погромы противникам, которые учиняли Маркс, Энгельс и Ленин в своих сочинениях, послужили своеобразной подготовкой для сталинских погромов в реальном коммунистическом обществе, победившем под идеологическим знаменем марксизма. Сталин был самым подлинным и верным марксистом. Когда ему отводят роль дьявола в сонме ангелов марксизма, то тем самым не очищают некий светлый марксизм от черных пятен сталинизма, а лишь стремятся спрятать подлинную суть марксизма, с поразительной полнотой и ясностью раскрытую Сталиным и его соратниками.

В сталинский период сложились все органы тела коммунизма и четко определились их функции, были выработаны все ритуалы и образцы поведения. После смерти Сталина произошли, конечно, некоторые изменения. Хрущев, например, ударился в несвойственную Сталину, ужасающую болтливость и начал мотаться по белу свету. Но образ Сталина все равно довлел над его сознанием. Брежнев претендует на роль второго Ильича. По болтливости и по склон-

ности к путешествиям он превзошел Хрущева, хотя по ораторским данным ему более подошел бы сталинский вариант. Но не требуется быть специалистом по психоанализу, чтобы заметить, что образ Сталина смолоду овладел душой Брежнева. Конечно, Хрущев пошел на разоблачение ужасов сталинизма, а Брежнев не отваживается на массовые репрессии даже против диссидентов, неслыханных в сталинские времена. Но есть ли это их личные качества? Антисталинистские настроения появились в стране и в партии задолго до хрущевского доклада. Последний в большей мере был итогом предшествующей истории, чем началом новой. Он был вехой в новой истории, а не движущей причиной. Движущие причины остались скрытыми. О них не хотят говорить даже диссиденты. Брежневский же «либерализм» также не есть личная его черта. Это – прочное завоевание господствующих слоев советского общества, которые лишь после смерти Сталина (т. е. с окончанием сталинского периода) почувствовали себя в безопасности.

В Советском Союзе официально считается, что в сталинские времена нарушались нормы партийно-государственной жизни, но что теперь с этим покончено. По этому поводу раздаются критические голоса. «Ничего подобного! – вещают эти голоса. – Упомянутые нормы и теперь нарушаются!» Эти голоса считают, что если в стране плохо, так, значит, нормы нарушаются. Но как официальная точка зрения, так и ее критика в данном случае лишены смысла. В настоящее время в стране плохо не вследствие нарушения норм партийно-государственной жизни, а вследствие их строжайшего соблюдения. Дело не в том, соблюдаются или нет нормы, а в том, что собой представляют сами эти нормы. А эпоха сталинизма была эпохой изобретения и утверждения этих норм. Дело обстояло не так, будто уже были некие нормы, когда пришел Сталин со своей бандой и начал нарушать их. Когда пришел Сталин, никаких таких норм еще не было. Они рождались и утверждались в том страшном процессе, который лишь впоследствии был истолкован как их нарушение. Нельзя было нарушить то, чего еще не было. Просто процесс становления общества имеет свои нормы, в соответствии с которыми вырабатываются нормы ставшего общества. Весь сталинский период проходил в точном соответствии с первыми.

Сейчас многие боятся поворота страны к сталинизму и связывают это с предстоящей реабилитацией Сталина. Страхи напрасны. Если реабилитация и произойдет, она будет половинчатой. Современные вожди коммунизма, как говорится, сами с усами, сами не прочь попасть в гении всех времен и народов. И им совсем ни к чему воскрешать конкурентов из страшного прошлого. А широкие массы населения сейчас уже лишены той власти над ближними, какую они обладали в сталинские времена. Эпоха буйного народовластия, к счастью, кончилась. А без самодетельности массы населения никакой сталинизм невозможен. Я не хочу этим сказать, что в Советском Союзе не будет происходить ухудшение жизни. Наоборот, такое ухудшение очень даже возможно. Но не всякое ухудшение есть возврат назад. Оно возможно и на пути неудержимого движения советского общества вперед к светлым идеалам коммунизма. Та мразь, в которую устремляется советский народ, будет новым творческим вкладом в славную историю коммунизма.

В характеристику личности входит все, так или иначе связанное с нею. Слухи, сплетни, легенды. Даже анекдоты. Обратите внимание на такой факт: о Ленине сложилась целая серия анекдотов, в которой Ленин выглядит комически. Анекдотов о Сталине было много. Но в них он никогда не выглядит смешным. Сталин – фигура, для насмешек почему-то неподходящая. Хрущев комичен. Брежнев комичен. А Сталин – нет. Вроде бы и бояться его теперь нечего: смейся, сколько хочешь! А не получается. Ходит слух, будто Сталина убили. Я в этот слух не верю. Скорее всего Сталин умер, а его соратники просто боялись войти к нему мертвому. Они были жалкими трусливыми ничтожествами и негодьями. А сам он был среди них негодяем и ничтожеством выдающимся. Но он стремился построить коммунистический рай на земле и сделать всех людей подходящими для этого. А если из его замыслов выросла ужасающе мрачная мерзость, так это шуточки неподконтрольной истории, а не продукт преднамерен-

ного умысла негодяя. Негодяйство вполне уживается со светлыми идеалами. Если последние хорошо оплачиваются, они даже светлее становятся. Сталин и его приспешники были негодяями, но негодяйство их особого рода: оно есть социальное негодяйство. Оно прет само из всех пор советского общества. Оно производится самим нормальным ходом жизни. Оно есть закономерный продукт светлых идеалов. Короче говоря, Сталин был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему свое имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие. Не исключено, что молодежь еще будет когда-нибудь тосковать по сталинским временам. Народ (тот самый, якобы обманутый и изнасилованный) уже тоскует и встречает упоминание его имени аплодисментами. Но нынешние руководители страны и господствующие классы вряд ли допустят появление нового Сталина – новую угрозу их благополучию и безопасности.

Мюнхен, 1979

Советский образ жизни

Я не претендую на то, чтобы дать здесь полное и систематичное описание советского образа жизни. Я не хочу заниматься здесь ни разоблачением язв этого образа жизни, ни защитой его добродетелей. Я хочу лишь сориентировать внимание читателя в том направлении, которое, как мне кажется, более соответствует здравому смыслу в понимании важнейшей тенденции современности – тенденции к коммунистическому типу общественной жизни.

Проблема. Проблема советского образа жизни не есть нечто такое, что представляет интерес лишь для любителей экзотики или для представителей отвлеченной науки. Это проблема особая. Почему? Да потому, что Советский Союз осуществил великий поворот в истории человечества – осуществил великий коммунистический эксперимент, стал образцом для подражания многим другим народам и угрожает помочь всему человечеству установить или навязать силой изобретенный им строй жизни. Пора подвести итоги этому эксперименту и извлечь из него какие-то уроки.

Коммунистический социальный строй мыслился как преодоление всех язв обществ прошлого, как царство равенства, справедливости и изобилия, короче говоря – как воплощение всех мыслимых добродетелей и как преодоление всех мыслимых зол. А что получилось на деле? Устраняет ли это общество социальное неравенство или лишь меняет его формы? Устраняет ли оно эксплуатацию одними людьми других или изобретает свои особые формы ее? Порождает оно обещанное изобилие или, наоборот, дефицит всего необходимого? Порождает оно изобилие для всех или только для избранных? Является ли оно обещанным царством свободы или изобретает свои формы насилия и приумножает последнее? Что несет с собою это общество для народов Запада – прогресс или деградацию? Насколько предлагаемое им решение проблем Запада лучше жизни с нерешенными проблемами, т. е. стоит ли игра свеч? Каковы источники зол советского образа жизни и можно ли их избежать, сохранив его добродетели? Имеет ли Запад шансы избежать той же участи? Нет надобности, я думаю, продолжать список вопросов – они теперь на устах многих людей на Западе.

Такой подход к проблеме позволяет рассматривать советский образ жизни как целое, не раздробляя его на мелкие детали в бесплодных сравнениях с прошлым страны и с жизнью людей в других странах. Не составляет труда заметить, например, что мусульманские народы в Советском Союзе живут лучше, чем за границей, что культурный уровень населения советской России неизмеримо выше, чем России дореволюционной, и многие другие как положительные (с какой-то точки зрения), так и отрицательные сравнительные факты. Но при таких сравнениях ничего не остается от того, что характеризует советский образ жизни специфически. Лишь в сопоставлении с обещаниями идеологического коммунизма и с фундаменталь-

ными законами реального коммунизма отдельные факты советского образа жизни становятся деталями его единой картины.

Факты и их понимание. Проблема советского образа жизни не есть проблема описания ранее неизвестных и труднодостижимых для наблюдения фактов. Это проблема понимания того, что более или менее широко известно, что сравнительно легко доступно для наблюдения, угадывается или высчитывается при наличии очевидных данных. Здесь все самое существенное находится вроде бы на виду, а то, что скрыто от наблюдения, качественно не изменило бы общую картину страны, будучи предано гласности. Короче говоря, проблема эта социологическая.

Трудность понимания советского образа жизни состоит, как это ни странно на первый взгляд, в изобилии фактов всякого рода и в их кажущейся очевидности и бесспорности. Тут можно наблюдать факты, удовлетворяющие любой предвзятой концепции. Тут одним и тем же фактам можно подобрать взаимоисключающие истолкования, кажущиеся одинаково убедительными или одинаково неубедительными. Можно даже изобрести методы измерения и подсчета, которые придадут видимость научности этим предвзятым концепциям. Где же, спрашивается, лежит истина? Отнюдь не в соединении противоположных фактов и не в отыскании некоей «справедливой» середины – таковой вообще не существует в действительности. Чтобы постичь истину, мало видеть факты как таковые. Нужен еще определенный метод понимания этих фактов, нужен определенный «разворот мозгов», нужны определенные критерии отбора, оценки и сопоставления фактов. При всем изобилии сведений о советском образе жизни и доступности всего необходимого для наблюдателей основные черты этого образа жизни не увидишь просто так, т. е. в таком виде, чтобы их можно было сфотографировать. Они остаются тайной за семью печатями без упомянутого выше «разворота мозгов». Самым надежным хранителем тайн советского образа жизни являются не органы государственной безопасности Советского Союза, не цензура, не милиция, не пограничная служба, а отсутствие нужного способа понимания, нужного «разворота мозгов» в головах людей. По этой причине (да простит мне читатель!), рассказывая о советской жизни, я одновременно описываю тот «разворот мозгов», благодаря которому на нее открывается определенный вид. Картина советской действительности зависит не только от нее самой, но и от того, как вы ее разглядываете.

Старое и новое. Коммунистическое общество в Советском Союзе выросло, естественно, из того материала, какой поставила для этого дореволюционная Россия. И теперь многое в советской жизни выглядит как продолжение старых российских традиций, инерция и пережитки прошлого. Например, Россия испокон веков была бюрократическим государством, а революция лишь расчистила дорогу этой старой тенденции, многократно усилила ее. Российское население веками приучалось к покорности, крепостническому состоянию и крайне низкому жизненному уровню. Это благоприятствовало формированию нового строя и до сих пор дает ему богатые возможности для всякого рода экспериментов, для индустриализации, милитаризации, экспансионистской внешней политики. И уж совсем очевидно, что русская православная церковь и до сих пор еще значительное число верующих есть наследие прошлого. Одним словом, для очень многих явлений советской жизни можно найти аналогичные явления в прошлой истории. И кажется весьма соблазнительным объяснять их этой прошлой историей.

Современную жизнь советского общества, однако, ошибочно рассматривать как смесь и компромисс прошлых (отживающих) и нарождающихся явлений, а обращение к прошлому абсолютно ничего не объясняет в настоящем. Советское общество уже вышло из стадии нарождающегося. Оно стало вполне взрослым – полноценным обществом коммунистического типа. И завершилось это превращение в последние послевоенные десятилетия. А в развитом обществе все, доставшееся и оставшееся от прошлого, перерождается в собственный элемент этого общества, становится на службу настоящему, существует и функционирует на основе законов настоящего. Теперь важно уже не столько то, что это явление есть остаток прошлого, сколько

то, почему оно существует сейчас, какой вид приобрело в новом обществе, какую роль здесь играет.

Одни из этих явлений воспроизводятся в новом обществе с необходимостью. Они появились бы здесь, если бы их даже не было в прошлом. Такова, например, бюрократическая система. Другие не вытекают с необходимостью из основ нового общества, в какой-то мере даже противоречат им, но по тем или иным причинам сохраняются. Таковы, например, православная религия и церковь. Эти явления имеют различные функции в обществе и различные перспективы. Но они имеют общее: и те, и другие суть советские институты и учреждения. В советской жизни уже не осталось ничего принципиально важного, что можно было бы отнести за счет исторической недоразвитости нового общества, за счет его неспособности справиться с прошлым, заставить прошлое плясать под свою дудочку. По этой причине искать объяснения явлениям советского образа жизни в прошлой истории – значит уклоняться от самой задачи описания именно образа жизни. Советский образ жизни имеет свои основания в социальных законах настоящего советского (коммунистического) общества, а не в канувших в Лету явлениях прошлого.

Русское и советское. До сих пор еще существует убеждение, что русский народ был обманут и изнасилован злодеями-большевиками, в результате чего и сложилось советское общество. Но мол, русский народ скоро сбросит иго большевизма и пойдет по пути Запада (думают одни) или вернется в дореволюционное состояние (думают другие). Надежды эти совершенно беспочвенны. Современная Россия есть страна с высокоразвитой и сложной экономикой и культурой, с высокообразованным населением, которое не только не мечтает о возврате в прошлое, но пойдет на любые жертвы, только чтобы это прошлое не возвращалось. Решающая роль в современной России принадлежит людям, родившимся и выросшим после революции, приспособленным жить именно в такой социальной среде, воспринимающим ее как нечто естественное, а не как навязанное им по ошибке или обманом. Переиграть прошлую историю невозможно. Шансы для России пойти каким-то иным путем были упущены много десятилетий назад. Упущены раз и навсегда.

Коммунизм есть тип социального устройства, а не некая национальная черта. Опыт других стран показывает, что на основе коммунистических социальных отношений у представителей самых различных наций вырабатываются черты, аналогичные чертам русских людей, или, точнее говоря, получают благоприятную почву эти общечеловеческие (на самом деле) качества. Коммунизм принял и укрепил некоторые национальные качества русского народа как качества советского народа вообще, способствуя развитию этих качеств и в других народах.

Негативное и позитивное. В последние десятилетия сложилась традиция рассматривать в качестве правды о советском образе жизни лишь разоблачение вопиющих крайностей режима, политического гнета и убожества быта рядового населения, т. е. описание явлений сугубо отрицательных. Это создает у людей, не знающих реального состояния страны, иллюзию, будто советский строй находится на грани гибели. В самом деле, в стране постоянными являются экономические трудности, низкий жизненный уровень населения, отсталая технология производства, низкая производительность труда, бесхозяйственность, подавляются всякие формы протеста, нет никаких гражданских свобод, народ уже не верит в марксистскую идеологию (можно подумать, что он в нее когда-то верил вообще!) и т. д. и т. п. Спрашивается, неужели этого мало для того, чтобы народ восстал и сбросил режим?!

Иллюзия, надо сказать, слишком оптимистическая. Дело тут не в том, что в Советском Союзе нет таких отрицательных явлений, о которых говорят критики режима, – их там в изобилии. Дело в том, что советский режим не сбросишь, ибо это есть не форма политического правления, а социальный строй жизни всего населения, опутывающий миллионами нитей тела и души людей в единое органическое целое. Несмотря на очевидные дефекты жизни и трудности, Советский Союз сейчас дальше от краха, чем когда-либо. Это грозный противник для

Запада, имеющий целью подчинение или разрушение Запада и уверенный в своей конечной победе. Надо познать источники его реальной силы и уверенности, а не упиваться иллюзиями, хотя и имеющими какие-то реальные основания.

В двух словах мой взгляд на соотношение позитивного и негативного в советском обществе заключается в следующем. Рай земной, который обещали классики марксизма, здесь построен на самом деле. Но с одним «маленьким» коррективом: он осуществлен в адекватной ему форме ада. Именно воплощение в жизнь положительных идеалов коммунизма имело необходимым следствием все те отрицательные явления, которые стали постоянным предметом разоблачений и критики. Дело обстоит не так, будто в этом обществе есть кое-что хорошее и кое-что плохое наряду друг с другом, – это слишком плоско. Дело в том, что благо здесь реализуется лишь в форме зла, а зло и есть то благо, которым гордится это общество. Хотите познать дефекты этого общества, смотрите на его достоинства. Хотите познать его достоинства, анализируйте его дефекты. Дефекты и достоинства этого общества – это суть одно и то же, рассматриваемое с различных сторон, проявляющееся в различных отношениях.

Возьмем, например, беспрецедентные массовые репрессии сталинского периода. Они – факт. Нелепо отвергать этот факт. Непристойно оправдывать его интересами революции и некоей исторической неизбежностью. Но резонно спросить о его самых глубоких основах и причинах. Что это – результат злого умысла отдельных мерзавцев во главе со Сталиным или чего-то более серьезного? Я утверждаю, что сталинизм явился классическим выражением доведенного до предела народовластия. Это была реальность народовластия, организация и будничная его жизнь. Преодоление сталинизма в хрущевско-брежневский период было одновременно ограничением народовластия. Или возьмем неравенство между различными слоями населения в распределении всяческих благ. Теперь это признается тоже как бесспорный факт. В чем основа этого явления? Плохие психологические качества отдельных людей? Гангстерские объединения? Ничего подобного. В основе этого неравенства лежит принцип распределения, справедливее которого история человечества еще не знала (о нем я скажу ниже).

Коммунистический тип общества в его классическом образце – в обществе советском – обнаружил свои многочисленные и страшные язвы, ставшие ныне общеизвестными. И главная проблема теперь – не бесконечное пережевывание все тех же или новых фактов этих язв, а выяснение природы и объективных их оснований. Эти язвы не являются всего лишь продуктом злого умысла или ошибок, наследия прошлого или национальных особенностей. Они не являются исторически преходящими случайностями, которых могут избежать более осмотрительные и добропорядочные западные страны. Они суть объективные проявления сущности коммунистического социального строя. Если не они, так другие, им подобные, если не в такой форме, так в другой, ей подобной, но реальный коммунизм без них просто немислим. Советский образ жизни с этой точки зрения есть классический образец для прочих. Смотрите, как живут советские люди, и имейте в виду: вы будете иметь примерно то же самое (чутьочку получше, может быть, но, может быть, и похуже), если вы последуете примеру Советского Союза, т. е. если и вы будете строить социализм (или коммунизм, что в реальности есть то же самое). Вы будете иметь все существенные достоинства этого строя, но за определенную цену, которую вы не будете в силах снизить, а именно – путем воплощения достоинств коммунизма в форме, которая воспринимается как недостаток. Реальная жизнь не есть бумажная гипотеза. Если на бумаге можно признать одно, отбросив другое, то в реальной жизни этого не сделаешь.

Основы коммунистического бытия. Основные элементы жизни людей в обществе суть деятельность по добыванию средств существования, социальное функционирование, бытовая жизнь, образование, культура, развлечения, спорт, идеология, короче говоря, все то, что так или иначе входит в жизнь людей в качестве более или менее важных и постоянных компонентов. Описать это – значит изложить целую социологическую теорию коммунизма как особого типа общества. Я ограничусь здесь лишь самыми первоначальными сведениями на этот счет,

причем не претендуя на академическую строгость и систематичность. Обычная схема советского общества такова: с одной стороны – народ, с другой стороны – власть с соответствующими органами управления народом и охраны общественного порядка. Если схема апологетическая – власть ведет народ к светлым идеалам общества справедливости и изобилия. Если схема критическая – власть угнетает народ и держит его в страхе. Однако реальное советское общество ничего общего с этой схемой не имеет. Ничего не значащей пустышкой является также официальное разделение советского населения на рабочих, крестьян и интеллигенцию.

Чтобы описать строение общества коммунистического типа, необходимо сначала выделить в нем самые минимальные части, обладающие некоторыми наиболее существенными чертами целого общества, – выделить его элементарные клеточки, кирпичики. Такую элементарную частичку общества образуют не отдельные люди, не территориальные единицы страны, не сложные ткани и органы (вроде аппарата партии), а относительно автономные учреждения, имеющие свою деловую функцию в обществе, свой управляющий орган (дирекцию), свою бухгалтерию, партийную и профсоюзную организацию и прочие элементы среднестандартного советского учреждения. Это – заводы, фабрики, институты, школы, больницы, магазины, рестораны и т. д. и т. п. Именно условия жизни и деятельности людей в этих клеточках и их взаимоотношения образуют основу всего того, что составляет специфический образ жизни людей в данном обществе.

Клеточки (первичные коллективы) выполняют определенные деловые функции, получая от общества для этого во владение необходимые средства (помещения, машины, транспорт, мебель и т. п.), а также средства для вознаграждения членов коллектива за их труд. Клеточка общества не является собственником средств, используемых ею для выполнения деловых операций, – в коммунистическом обществе ликвидированы отношения собственности вообще. Хотя здесь и говорят о «государственной собственности» и о «коллективной собственности» (в отношении колхозов), слово «собственность» в этом случае теряет строгий смысл. Здесь имеет место владение, но не всякое владение есть собственность. Советские колхозы, например, не могут продать никому даже клочка земли, которая им передана «в собственность» навечно. Таким образом, хотя клеточка и автономна до некоторой степени в исполнении своих обязанностей и в обращении со своими членами, она прочно прикреплена к целому. Она получает от целого питание (образно говоря) и отдает ему выделяемое ею. Она в своей жизнедеятельности находится под строжайшим контролем целого через специальные партийные и государственные органы, а также через систему управления группами клеточек, объединяющие клеточки в цельный общественный организм. По этой причине всякие попытки создания неофициальных объединений людей, не зависящих в своем функционировании от целого и не подконтрольных ему, не выполняющих в целом заданную функцию, не получающих от целого средства для этого и не подчиняющихся стандартам жизни в нормальных клеточках, означают образование в организме общества чужеродных клеток, опасных для его существования. Эти клетки, какие бы благородные цели ни имели их участники и организаторы, играют в данном обществе роль, подобную роли раковых клеток среди здоровых клеток живого тела. И удивительно не то, что в советском обществе ведут борьбу против диссидентских групп, а то, что эту борьбу ведут так лениво и нерешительно, – явная уступка общественному мнению Запада плюс некоторые корыстные расчеты в игре с Западом.

Взрослый работоспособный человек (а таковые образуют ядро населения) входит в коммунистическое общество не сам по себе, а через определенную клеточку общества, через определенный первичный коллектив. Причем входит в общество как частичка коллектива, как индивид, занимающий в коллективе определенное социальное положение. Через первичный коллектив, и только через него человек отдает обществу свои силы и способности, получая за это от коллектива, и только от него средства существования, возможности для социального функционирования и для жизни в бытовой сфере. Положение человека в обществе и судьба

его здесь зависят от его положения в коллективе. Коллектив, предоставляя человеку возможность трудиться и получать средства для жизни, здесь господствует над отдельным человеком. Потому здесь на деле, а не только в демагогии действует принцип: интересы коллектива выше интересов отдельного человека. Здесь не отдельный человек, а лишь целостный коллектив из многих людей есть полноценная личность. Отдельный же человек есть лишь частичная личность, есть личность лишь в качестве частички личности-коллектива. Конечно, из общего правила есть исключения. И кое-что люди получают независимо от клетки-коллектива. Но рассмотренное выше отношение человека и коллектива является фактором, определяющим все прочие аспекты жизни людей, в том числе и отклонения от этой основополагающей нормы.

Закрепощение. В советской Конституции имеется пункт, гласящий, что граждане Советского Союза имеют право на труд. Этот пункт сформулирован явно с расчетом на пропаганду – на противопоставление коммунистического общества буржуазному, в котором бичом миллионов людей является безработица. Но по существу, этот пункт есть логический нонсенс. На самом деле граждане здесь обязаны трудиться, а обязанность эта есть в той же мере право, в какой обязанность солдат выполнять команды командиров есть право делать это. Конкретнее же говоря, обязанность трудиться означает то, что граждане должны быть прикреплены к определенному первичному коллективу и трудиться в качестве его членов. Если вы не числитесь сотрудником (работником) какого-то официально признанного коллектива, то вы здесь считаетесь уклоняющимся от трудовой деятельности (тунеядцем), хотя вы можете трудиться больше, чем члены коллектива. Вы можете быть паразитом фактически. Но если вы числитесь сотрудником официального коллектива, вы официально считаетесь трудящимся. В советском обществе имеется огромное количество целых первичных коллективов и должностей в первичных коллективах, в которых и на которых многие люди (счесть их невозможно) фактически ведут образ жизни бездельников и паразитов, получая за это вознаграждение, – одна из привлекательных для масс людей черт коммунизма.

Рассмотренная прикрепленность людей к коллективам не есть нечто выдуманное с какими-то темными целями. Она выражает фундаментальный факт положения человека в обществе; человек по идее не может жить, не будучи прикреплен к коллективу, ибо в идеале и в основе зарплата, получаемая в коллективе, есть единственный источник существования. Причем опытным путем находится и размер вознаграждения члена коллектива: человек должен регулярно получать это вознаграждение, чтобы постоянно жить на положенном ему уровне, т. е. чтобы он не мог на долгий срок оторваться от коллектива и от контроля коллектива за ним. Здесь невозможно описать социальные механизмы, определяющие такого рода явления. Но они существуют и действуют, обычно бессознательно и непроизвольно. Так, низкий жизненный уровень для массы населения и невозможность для них делать значительные сбережения есть проявление некоего «социального инстинкта» общества, а именно – инстинкта самосохранения, а не просто результат «временных» трудностей. Идея создания изобилия при коммунизме находится в вопиющем противоречии с фактической тенденцией этого общества к снижению жизненного уровня широких масс населения к допустимому минимуму.

Искушение. Анализируя жизнь людей на уровне клетки, можно обнаружить то, что коммунистический строй есть в первую очередь соблазнительное искушение для них и лишь во вторую очередь новая форма эксплуатации и закрепощения. За право на труд, за гарантированную работу человек расплачивается обязанностью работать, прикреплением к официальному коллективу. За гарантированный отпуск и за путевку в дом отдыха человек платит примитивным обслуживанием в этом доме отдыха. За невозможность уволить рабочих с целью снизить себестоимость продукции общество платит существованием нерентабельных предприятий. За сравнительную независимость вознаграждения от качества и интенсивности труда общество расплачивается незаинтересованностью людей в повышении производительности труда и низкой зарплатой. За низкую квартирную плату и за гарантированное жилье люди расплачиваются

жалкими квартирными условиями и системой прописки, т. е. и территориальным прикреплением людей. Проблема улучшения жилья становится для многих людей одной из труднейших и важнейших, а перемена места жительства становится настолько трудной, что решаются на это лишь в случае крайней необходимости.

Помимо гарантированного минимума основных жизненных благ, отмечу еще два важных фактора жизни людей, делающих советский образ жизни таким, что люди, несмотря ни на что, уже не в состоянии от него отказаться. Я ввожу понятие степени вознаграждения, определяя величину ее отношением того, что человек получает за свой труд, к тому, сколько он сил отдает за это. Так, по моим подсчетам, степень вознаграждения в коммунистическом обществе в целом значительно выше, чем в капиталистическом, а обратная ей степень эксплуатации – ниже. Так что коммунизм действительно приносит людям облегчение условий труда сравнительно с капитализмом. Люди расплачиваются за это тем, что жизненный уровень имеющих работу здесь много ниже того, какой имеют работающие люди на Западе. Советские люди меньше имеют. Зато они еще меньше работают и имеют какие-то минимальные гарантии.

Второй соблазн – сравнительная формальная простота жизни, что выражается в незначительном числе документов, которыми опутывается жизненный путь людей, и ясность самих жизненных линий. Одним словом, это общество не есть средоточие одних недостатков. Оно есть средоточие недостатков, порожденных достоинствами.

Жизнь людей в первичных коллективах стандартизирована в масштабах всего общества. Если вы изучили строение и функционирование клеточки данного типа и данного уровня, вы заранее можете ожидать примерно то же самое в других клеточках того же рода. Это обстоятельство сдерживает стремление людей к перемене мест работы и способствует общей тенденции к прикреплению людей к местам жительства и работы. Население коммунистических стран менее мобильно, чем в странах Запада.

Коренное противоречие. Сравнительно низкий коэффициент эксплуатации (и соответственно высокий коэффициент вознаграждения) получается не благодаря заботе партии и правительства о благе народа, а в силу самих отношений людей в фундаменте общества и условий их деятельности. Для самой влиятельной части населения здесь величина вознаграждения фактически не зависит или зависит в ничтожной мере от затрат и качества труда. Она в большей мере зависит от социального положения людей и от их социальной активности (например, от демагогии, от холуйства перед вышестоящими). Потому здесь ослабевает или полностью пропадает заинтересованность массы людей в хорошей работе и возрастает заинтересованность в улучшении своего положения за счет иных средств жизни в коллективе, вызывающих видимое отвращение, но принимаемых в качестве нормальных на деле. Власти поощряют хороших работников, дабы создать примеры, улучшающие отношение людей к труду. Но за счет этого выгадывают лишь единицы. Большинство остается равнодушным, так как видит, что «овчинка выделки не стоит», т. е. что люди больше выгадывают другими путями, чем «честным и добросовестным» трудом. Люди на опыте также убеждаются в том, что успехи в карьере в большей мере зависят от умения делать карьеру в массе людей, чем от талантов и труда, например, от положения родителей, от знакомств, от анкетных данных, от поведения на собраниях, от лести начальству, от взяток и услуг, от доносов, от готовности предать того, кого выгодно предать, и поддержать того, кого выгодно поддержать.

Хотя власти поощряют соревнование между людьми в коллективах и между коллективами (это стало неотъемлемым элементом советского образа жизни), отношения между людьми и коллективами здесь в большей мере и более существенным образом определяются не конкуренцией за лучшее исполнение заданий, за лучшее качество и большее количество продукции, а взаимным препятствованием или связыванием. Дело в том, что для коллективов и для людей в них строго определены их функции, масштабы их деятельности, источники сырья, места сбыта готовой продукции, короче говоря, все основные элементы жизни и дея-

тельности, исключают практически частную инициативу и личный риск. Это сделано всякого рода планами и инструкциями, регламентирующими действия коллективов. Следствием всего этого являются показуха, формалистика (лишь бы отчитаться перед начальством), боязнь риска, незаинтересованность во введении и освоении новой, более совершенной техники, бессмысленные траты, очковтирательство, халтура, обман. Руководство стремится преодолеть эти отрицательные последствия коммунистической организации труда путем поощрения ударников (т. е. лучших тружеников), путем навязывания «социалистического соревнования», путем дотошной и громоздкой системы контроля и наказаний и другими путями. Конечно, это сдерживает катастрофические последствия самих объективных основ коммунизма, но в ничтожной мере. Разговоры о повышении дисциплины труда и производительности труда и о понижении себестоимости продукции, о более грамотном и культурном руководстве хозяйством, о скорейшем внедрении научно-технических открытий в производство являются навязчивой идеей руководства. Они суть показатели не достоинств коммунистического строя общества, а его неустранимых недостатков, преодолеть которые призывами вождей и идеологической обработкой населения, увы, невозможно. Так что величайшее достоинство коммунизма – относительное облегчение условий труда и обеспечение работой всех – неразрывно связано с его величайшим злом – с тенденцией к низкой производительности труда, к снижению качества продукции и к плохой (хотя и плановой) организации экономики страны. Сравнительно низкий жизненный уровень населения здесь объясняется прежде всего не дорогостоящей внешней политикой и милитаризацией страны, а именно рассмотренным органическим пороком этого общества. Чем дольше мир будет существовать без войн, тем отчетливее будет проступать этот порок. Объективно, независимо от воли и желания людей по этой причине страна заинтересована в мировых смутах и конфликтах, в завоевании новых земель, дабы иметь продукты питания и рынки сбыта плохой продукции. Лишь необъятные природные богатства, приученность населения к низкому жизненному уровню, эксплуатация союзников, выгодные отношения с другими странами мира, спекуляции на трудностях Запада и прямая помощь Запада спасают Советский Союз от грандиозного экономического кризиса. В особенности помощь Запада. Можно без преувеличений сказать, что Запад сам спасает и вскармливает своего потенциального могильщика.

Социальное неравенство. Уже на уровне клеточек очевиден факт различия людей по их социальным позициям. Основное из этих различий определяется отношением начальствования и подчинения. Можно упомянуть также различия в профессиональном уровне, в степени сложности овладения профессией, в престижности профессии, в степени ответственности и риска. Уже внутри клеточек складывается иерархия лиц, занимающих более или менее высокое социальное положение, – абсолютно неустранимая основа для социального неравенства во всяком сложном и дифференцированном обществе. Есть эта основа и в коммунистическом обществе. Причем здесь она оказывается единственной основой социальной иерархии. Общество в целом состоит из множества клеточек, которые, в свою очередь, образуют иерархию в системе начальствования и подчинения. Так что в результате в обществе в целом вместо обещанного социального равенства образуется многоступенчатая иерархическая лестница социальных позиций. Помимо того, что продвижение по этой социальной лестнице вверх само по себе представляет какой-то интерес для людей, оно существенным образом влияет на весь строй жизни людей, и прежде всего на их материальное положение и на надежность и уровень гарантируемых благ. Борьба за повышение социальной позиции становится основой основ жизнедеятельности наиболее активной части общества, навязывая соответствующую психологию всему обществу. В обществе воцаряется психологическая атмосфера, ничего общего не имеющая с радужными мечтаниями утопистов и «научно обоснованными» предсказаниями классиков марксизма. Советские люди шутят: если при капитализме человек человеку – волк, то при коммунизме человек человеку – товарищ волк. В жертву разыгрываемым тут стремлениям

и страстям приносятся абсолютно все человеческие ценности, выработывавшиеся веками. И все это прикрито покровом лицемерия, демагогии, формальных приличий. Что тут происходит, не заметишь с первого взгляда. Нужно долгие годы жить внутри советских коллективов, чтобы присмотреться и увидеть их скрытую жизнь. Хорошо известная морально-психологическая атмосфера в обществе, в котором условия жизни человека определяются деньгами, покажется вам романтической сказкой, если вы во всем объеме познакомитесь с той борьбой, которая в коммунистическом обществе ведется за социальные позиции, за связанные с ними блага. В обществе такого размера, как советское, в эту борьбу вовлечены десятки миллионов людей, ибо здесь именно социальное положение, а не деньги как таковые есть богатство. Эта борьба поглощает все силы и способности людей. Ей подчинено все остальное. Потому здесь борьба за некие человеческие права и гражданские свободы есть чуждое обществу явление. Здесь люди борются за эти права и свободы, но как за блага, которые они в той или иной мере и форме приобретают с повышением и улучшением своих социальных позиций. Вне этой реальности борьба за «права человека» и «демократические свободы» становится делом одиночек, по тем или иным причинам исключенных из нормальной жизнедеятельности в советских коллективах.

Распределение. Социальное равенство в коммунистическом обществе невозможно в силу самых справедливейших за всю историю человечества принципов распределения. Согласно официальной (марксистско-ленинской) советской идеологии на первой стадии коммунизма действует принцип «каждому по труду», а на второй (высшей) – принцип «каждому по потребностям». Очень хорошие принципы, не правда ли? Но одно дело – вид принципа на словах, и другое – в реальности. Можно, допустим, сравнить труд двух рабочих одной и той же профессии на одном и том же предприятии, двух бухгалтеров в одной конторе, двух профессоров в одном учебном заведении. А как сравнить труд рабочего, техника, инженера, директора завода, секретаря районного комитета партии, солдата, генерала, министра, дипломата, милиционера, музыканта? В реальности это сравнение осуществляется как сложный процесс жизни, как система проб и ошибок, как выбор людьми профессий, короче говоря, как процесс, который выражается практически действующим принципом вознаграждения за труд: каждому по его социальному положению. А с точки зрения индивидуальной судьбы людей этот принцип реализуется как принцип: каждый урывает для себя из производимых обществом благ то и столько, что и сколько он сумеет урвать, занимая данную социальную позицию. Жизненные блага в этом обществе не даются. Они берутся людьми с боем.

Точно так же обстоит дело с принципом «каждому по потребностям», который тоже фактически действует в советском обществе, что позволяет мне рассматривать это общество как полный коммунизм. Оставим в стороне довольно неясное понятие изобилия. Советские люди, попадающие на Запад, воспринимают западное изобилие как нечто сказочное, как сверхкоммунизм. Принцип «по потребности» означает удовлетворение не любых потребностей людей (в смысле кто чего пожелает), но потребностей, признаваемых обществом в качестве таковых, – общественно признанных потребностей. А общество в качестве потребностей человека данной социальной категории признает лишь то, что положено человеку фактически на этой социальной позиции. Члену Политбюро, например, положены особняки, подмосковные дачи, дачи на юге, личная охрана, личные продуктовые предприятия и многое другое. Это его потребности как члена Политбюро. Общество никогда не признает это в качестве потребности не то что рядового рабочего, но даже профессора, генерала, директора завода.

Именно соблюдение справедливых принципов распределения всех жизненных благ в обществе со сложным разделением функций и со сложной системой начальствования и подчинения порождает чудовищное неравенство в распределении этих жизненных благ – социальный закон, который не в силах отменить никакая партия, никакое правительство, никакое прогрессивное общественное движение, никакая реформа, никакая революция. Люди обре-

чены на социальное неравенство, на борьбу как против него, так и за его сохранение и упрочение. На этой основе в советском обществе сложились более или менее устойчивые (с тенденцией к наследственности) слои и группы населения различного уровня обеспеченности, привилегий, гарантий. В советском обществе есть сотни тысяч людей, которые живут отлично и хорошо, миллионы – которые живут неплохо и терпимо. Число министров, генералов, академиков, директоров, заведующих, партийных чиновников и прочих лиц, занимающих какие-то должности, здесь огромно. Если привилегированные слои общества рассматривать по аналогии с господствующими классами прошлого, то можно сказать, что коммунизм значительно расширяет господствующую часть общества. При этом он делает положение представителей господствующих слоев более устойчивым и гарантированным, избавляет их от личного риска и от личных потерь. Так что в этом обществе есть достаточно много людей, которые имеют право считать этот строй жизни своим.

Свобода и насилие. Об отсутствии демократических свобод и о подавлении всяких оппозиционных движений в Советском Союзе сказано достаточно. Не буду повторяться. Хочу обратить внимание лишь на одно чрезвычайно важное явление, о котором обычно все помалкивают. Оно состоит в том, что вся система насилия в советском обществе вырастает из самого фундамента общества, а именно – из факта насилия коллектива над каждым из своих членов по отдельности. Советские люди, сообщая насилуя каждого человека по отдельности, насилуют в результате самих себя. Специальные органы надзора и подавления (КГБ, МВД) суть лишь отчужденные коллективами и объединенные в масштабах страны функции первичных коллективов и массы населения вообще. Подавляющее большинство граждан лично со специальными органами насилия соприкасается редко или не соприкасается никогда. Они имеют дело непосредственно со своими начальниками и собратьями и с местной властью, которая выполняет в отношении их скорее бюрократические функции и функции охраны их интересов и общественного порядка. Лишь отдельные индивиды, которые нарушают общепринятые нормы поведения и с которыми не удастся справиться внутренними силами коллектива, становятся объектом внимания и деятельности специальных органов власти. Для большинства же граждан, повторяю, высшей властью фактически являются члены их коллектива. Причем сами же они выступают в роли высших судей, когда дело касается других. Первичные коллективы обладают мощной властью, позволяющей им удерживать поведение своих членов в нужных рамках, ибо от них в первую очередь зависит положение и судьба отдельных людей. Коллектив может помешать улучшить жилищные условия, увеличить зарплату, сделать шаг в карьере. От коллектива зависит возможность увольнения человека и предания его суду. Если коллектив дает плохую характеристику, все прочие аналогичные коллективы реагируют на нее одинаково. И без особой санкции вышестоящих властей бывает практически невозможно найти подходящую работу. Жизнь первичных коллективов организована так, что не какая-то внешняя, злая воля, а добрая воля масс населения лежит в основе всей системы насилия. Последняя есть лишь организация и суммирование доброй воли и свободы граждан. В общей сумме действий граждан абсолютное большинство совершается с пониманием их целесообразности и без ощущения принуждения – гегелевское изречение насчет свободы как познанной необходимости здесь очень близко к истине. Лишь ничтожная часть действий совершается как принудительная и вызывает протест.

Принудительный труд. Коммунистическое общество есть общество принудительного труда еще и в том смысле, что оно нуждается в армии рабов, которых можно было бы использовать в местах, где не хотят добровольно жить обычные люди, и на работах, которые не хотят выполнять обычные люди. На Западе на таких работах используют иностранных рабочих. В сталинские времена эта армия рабов пополнялась за счет массовых репрессий и бегства людей из деревень вследствие коллективизации. В Советском Союзе в настоящее время функции такой армии рабов отчасти выполняют заключенные. Их довольно много. Это не професси-

ональные преступники, а главным образом обычные граждане, совершившие бытовые или должностные преступления. Отчасти эти функции выполняют солдаты и женщины. Но совершенно поразительное явление тут, о котором мало что знают на Западе, это посылка многих людей на уборочные работы в деревню, на работу на овощных базах и в строительных отрядах. Это стало традицией. Люди идут на эти работы вроде бы добровольно. Но что это за добровольность! В учреждениях и на предприятиях людей специально выделяют для этого. И случаи отказа чрезвычайно редки. Многие соблазняются тем, что в городе сохраняется зарплата, и есть возможность провести «на воздухе» какое-то время и «погулять». Но большинство соглашается, зная о возможных неприятных последствиях отказа. Что здесь интересно – сама форма принуждения: последнее действует как добровольность.

Гражданские свободы. Те ограничения и запреты на поведение людей, которые сейчас принято рассматривать как нарушение неких «прав человека», действительно выражают сущность советского строя, но не в том смысле, какой буквально соответствует словесным формулировкам.

Возьмем, например, проблему свободы вероисповедания. Дело обстоит совсем не так, будто советские люди рвутся верить в бога и молиться, но зловерные власти репрессировали их за это. Конечно, в Советском Союзе ведется антирелигиозная пропаганда. Открыто верующие люди имеют меньше шансов преуспеть в жизни (за редким исключением).

Но не в этом главная причина антирелигиозного характера общества и атеистичности основной массы населения. Советские люди всей системой образования и воспитания и всей практической жизнью приучаются быть атеистами. В массе своей они не нуждаются в религии и не рвутся в нее, ибо существующие формы религии уже не отвечают типу человека этого общества и условиям его жизни. В первичных коллективах верующие люди суть редкость и не играют в них практически никакой роли. К религии обращаются главным образом люди, по тем или иным причинам выпадающие из активной жизни первичных коллективов. Старые религии и соответствующие организации, оставшиеся в наследство от прошлого, существуют тут до сих пор не потому, что общество не в состоянии с ними справиться. Как раз наоборот, они существуют именно потому, что общество с ними справилось и поставило себе на службу. Они уже не опасны существованию нового общественного устройства. Они полезны ему, отвлекая на себя определенную часть потенциальной человеческой активности, которая могла бы пойти во вред строю.

Возьмем другой пример – проблему свободы литературного творчества (как часть проблемы свободы слова). Существует убеждение, что советская литература находится под тяжким гнетом партийного руководства, идеологии и цензуры, чем якобы и объясняется ее состояние. Это убеждение поддерживают сами советские писатели: им хочется выглядеть талантами, которым советские условия мешают развернуться. Дали бы им свободу творчества, хочется им думать, они явили бы миру величайшие шедевры. Но это убеждение, увы, не имеет ничего общего с реальностью. Советская литература не есть нечто автономное, отделенное каким-то образом от остального общества. Она вкраплена в общество так, что ее, как весьма относительное целое, можно видеть лишь на писательских съездах, когда она под бурные аплодисменты избирает Политбюро в почетный президиум, посылает приветственное письмо высшим руководителям, клянется в верности партийной генеральной линии и совершает прочие акции, точно выражающие ее социальную сущность. Советская литература – это несколько десятков тысяч (попробуй сочти их!) писателей, которые не могут быть все талантами. Они в значительной своей массе могут быть только посредственностями, отобранными и обученными для исполнения определенных социальных функций, и главная среди них – идеологическая работа. Советская литература есть составная часть идеологического аппарата общества. Она сама есть сложная структура из множества организаций, с иерархией должностей, с характерной советской системой распределения благ, в том числе распределения почестей, славы.

Дело обстоит не так, будто талантливые советские писатели стремятся делать правдивую и высокохудожественную литературу, но партийные и государственные власти им не дают этого делать. Дело обстоит так, что бездарные в массе многие тысячи писателей сами представляют партийную и государственную власть в данной сфере общества, сами суть строжайшая цензура над самими собою и своими коллегами. Они сами суть сначала носители режима и лишь потом суть жертвы его – справедливая плата за то привилегированное положение, какое они имеют сравнительно с низшими слоями общества. Жертвами режима здесь являются лишь немногие писатели, которые стремятся прокладывать новые пути в творчестве и имеют для этого настоящие способности.

Ограничение или полное уничтожение свободы передвижений, слова, объединений и других свобод не есть нечто произвольно выдуманное кучкой плохих людей и навязанное хорошим людям силой. Это факт, выросший из недр жизни. Советские люди по опыту знают, что «дай нашим людям свободу», так тут жить нормально будет невозможно. Это только в демагогических призывах и в воображении людей, не живущих обычной советской жизнью, свободы выглядят как абсолютное благо. В условиях коммунистического общества они немедленно переходят в свою противоположность, порождая последствия, которые вызывают протест в широких слоях населения. Они ведут к нарушению самих принципов коммунистического образа жизни, его молчаливо признаваемой справедливости. Если, например, крупный партийный или государственный чиновник имеет отличную квартиру, дачу, машину и прочие блага, население воспринимает это как должное. Но если человек, не занимающий высоких постов, имеет эти же блага, это воспринимается как преступление. Само население доступными ему средствами (доносы, письма, заявления) стремится помешать своим собратьям жить не по их официальному положению. Точно так же обстоит дело и с прочими ограничениями свобод и запретами. Дело не в нарушениях неких человеческих норм, а в самих нормах человеческого бытия, в соблюдении норм.

Известно, например, что для советских людей затруднены или исключены совсем поездки за границу. Допустим на минуту, что принято на высшем уровне решение разрешить советским людям поездки за границу столь же свободно, как в западных странах. Но это пока на бумаге. Надо еще организовать реализацию этого решения для огромного числа людей. На Западе не представляют, что это значит для советских людей – поездки на Запад, и не представляют, как это будет выглядеть в реальном исполнении. Тут расцветет такая мерзость, по сравнению с которой нынешняя система покажется вершиной нравственности. В советском обществе нет таких социальных механизмов и условий, которые гарантировали бы осуществление свобод в виде, адекватном их словесной формулировке, – вот в чем загвоздка. Борьба за ценности западного образа жизни на основе коммунистических социальных отношений есть дело долгой и кровавой истории, а не задача для правительственного решения или диссидентской демонстрации.

Культура. Советское общество есть общество высокообразованное. В Советском Союзе, например, читают больше (в некотором отношении, конечно), чем на Западе, и к книге относятся с большим почтением. Пропаганда, разумеется, использует это как «лишнее доказательство» преимущества коммунизма перед капитализмом. Но если проанализировать этот факт, то окажется, что тут вообще бессмысленно говорить как о недостатках, так и о достоинствах строя общества. Этому факту есть объяснение. Здесь затруднены или отсутствуют другие развлечения, подобные западным, книги дешевые, есть время и возможности для чтения. Очень многие читают во время работы, в транспорте, на который порою теряются долгие часы, в очередях. Или другой факт – число лиц с высшим и специальным средним образованием. В Советском Союзе многие посты занимают и многие деловые функции выполняют люди с образованием, хотя в этом практической надобности нет. В Советском Союзе, например, на заводе работает порою раз в пять – десять больше дипломированных инженеров, чем на аналогичном

предприятия на Западе. Тут есть свои минусы. В частности, низкая зарплата советских инженеров. Но есть и плюсы: значительно большее число людей приобщается к образованию, что повышает образовательный уровень населения в целом.

В последние десятилетия социальное неравенство все более отчетливо стало отражаться и в системе образования. Дети из привилегированных слоев имеют возможность получить лучшее образование и выбирать учебные заведения по своему вкусу и соответственно высокому положению родителей. Для детей из низших слоев уровень образования много ниже, возможности выбора профессии ограничены. Практически действует принцип, согласно которому дети рабочих и крестьян должны оставаться рабочими и крестьянами, тогда как дети из высших слоев уже не опускаются ниже достаточно высокого уровня.

Каждый тип общества вырабатывает соответствующий ему тип культуры вообще. Теперь можно говорить о советской культуре как о классическом образце культуры коммунистической (социалистической). Состояние советской культуры более или менее известно на Западе – она, можно сказать, налицо. Я скажу коротко лишь о ее социальной подоплеке.

Всякое подразделение общества надо рассматривать не только с точки зрения его очевидной роли в обществе, но и в том виде, как оно не столь очевидно существует для себя самого. В Советском Союзе имеются сотни тысяч писателей, художников, артистов, плясунов, музыкантов, певцов и прочих деятелей культуры. Все они относятся к числу творческих работников. Но творческий элемент в этой среде столь же ничтожен, как и в любой другой. Эта сфера деятельности привлекательна во многих отношениях, и в нее стремятся попасть миллионы людей, имеющих какие-то данные для этого и без таковых. Существуют многочисленные специальные школы, курсы, студии, кружки, которые отчасти помогают выявить и развить природные таланты, но которые в большей мере помогают заурядным от природы детям подняться до некоторого средне-общественного уровня одаренности и подготовиться к творческой деятельности. Что тут происходит с морально-психологической точки зрения, всеми тщательно скрывается. Как родители, так и дети проходят здесь мощную практическую школу коммунистической жизни и проявляют то, на что они способны в качестве граждан этого общества. Происходящее здесь настолько омерзительно, что невольно вспоминается тезис марксизма, согласно которому общество есть тоже форма движения материи. Кроме того, в этой сфере есть огромное количество должностей, которые вообще не требуют никакой предварительной в творческом плане подготовки, – директора, заведующие, администраторы, статисты, бухгалтеры, редакторы... Многие из этих должностей дают их обладателям блага, недоступные даже высокопоставленным партийным чиновникам, академикам и генералам. Центральной фигурой в этой сфере является человек сравнительно образованный, «натасканный», тщеславный и корыстолюбивый, рано познавший закулисную жизнь и подноготную общества, абсолютно циничный, готовый на любую допускаемую условиями пакость, чтобы урвать что-то для себя, ловкий, изворотливый, умеющий маскировать свою натуру.

Некоторые виды «творческой» деятельности находятся под особым покровительством властей. Таковы, например, балет, цирк, ансамбли песни и пляски. Они отвечают вкусам правящих кругов общества или являются элементом государственной политики. Так, советский балет долгое время служил целям пропаганды советского образа жизни на Западе. Советские танцоры не просто танцуют, а каждым своим движением доказывают правоту идей коммунизма и преимущество советского образа жизни перед западным. Особенность поощряемых и навязываемых государством форм «творчества» состоит в том, что они далеки от политики, идеологии и от самопознания общества. Но идеология так или иначе вторгается и в них, оказывая разрушительное воздействие.

Официально в Советском Союзе творчество не только поощряется, но даже вменяется в обязанность людям. Здесь от всех требуется «творческий подход» – от студентов, рабочих, руководителей. Рабочих призывают вносить рационализаторские предложения. Студен-

тов призывают делать вклад в науку уже с первых курсов институтов. Слушателей партийных школ призывают творчески развивать марксизм в их безграмотных рефератах, обычно переписанных из популярных брошюр. Но на практике все это вырождается в пустую формалистику и удушение реальных попыток творчества. Обещание идеологического коммунизма создать условия для всестороннего развития творческих потенций человека не может быть исполнено, если бы даже руководители общества искренне захотели этого: руководимые ими среднебездарные народные массы не позволят им совершать столь легкомысленные поступки. Но руководители общества по способу отбора их в руководители не способны захотеть такое. Они сами суть ярчайшие выразители господства серости и бездарности.

Идеология. Советское общество является идеологическим по той роли, какую в этом обществе играет идеология, какое значение ей здесь придается, сколько средств на нее тратится, как она влияет на сознание и поведение людей.

На Западе распространено мнение, будто советские люди уже не верят в марксизм и будто это есть признак слабости советского строя. Такое мнение свидетельствует о непонимании существа советской идеологии. Идеология не есть наука, хотя она (как это имело место с марксизмом) может возникать с претензией на науку и может использовать достижения науки (как это имеет место с советской идеологией). Ее задача – не открытие истин, а стандартизация и организация общественного сознания и управление людьми путем обработки их сознания. Идеология не есть религия. В идеологию не верят, ее принимают из рационального расчета, т. е. соглашаются ее считать тем, на что она претендует, и выражают это заметным образом. Ее усваивают так, что это сказывается в образе мышления и поведения людей, зависящем от социального расчета.

Марксистскую идеологию рассматривают как некий проект общества, по которому построено советское общество. Это предрассудок. Советское общество сложилось благодаря историческому стечению обстоятельств, благодаря опыту, стоившему огромных жертв, благодаря действию объективных социальных законов организации больших масс населения в единое целое, можно сказать, «вслепую». Марксистские тексты дали очень удобный фразеологический материал для создания единой государственной идеологии общества. Эти тексты были приспособлены к объективным условиям исторического процесса, переработаны, определенным образом истолкованы, дополнены. Марксизм дал имя советской идеологии, некоторые фундаментальные идеи, основы идеологического языка. Но советская идеология не сводится к марксизму. Достаточно сказать, что она включила в себя ленинизм и сталинизм (последний – в неявной форме), испытала на себе влияние развития советского общества и вообще человечества в последние десятилетия, вобрала в себя целый ряд достижений современной науки.

В советскую идеологию люди не верят в том смысле, что не верят в обещанный марксизмом земной рай, в изобилие всех средств потребления, в развитие всех творческих потенций людей, в подлинную свободу, равноправие и справедливость. Но советская идеология не сводится к этим обещаниям. Последние занимают в ней незначительное место. Основное содержание советской идеологии составляет учение о мире, об обществе, о человеке, о познании, о методах мышления. И хотя это не есть наука в строгом смысле слова, она прививает людям единое мировоззрение и стандартную интеллектуальную реакцию на все происходящее в мире – стандартный способ думанья обо всем. Как бы люди ни относились к идеологии субъективно, практически они всю жизнь живут в поле действия идеологии, постоянно вынуждаются думать в том духе, как это требуется идеологией. Они вольно или невольно проходят постоянную тренировку на идеологический способ мышления. И не в их власти избавиться от него. Даже тогда, когда они критически относятся к марксизму и к своему образу жизни, они думают все равно в категориях и формах идеологического мышления. Благодаря мощной системе идеологического воздействия на людей складывается некий интеллектуальный стандарт от рядовой уборщицы до Генерального секретаря КПСС.

Идеологическое мировоззрение и идеологически оправдываемые формы поведения являются более адекватными условиям жизни в современном обществе, чем религиозное мировоззрение и морально обосновываемые формы поведения. Добавьте к этому мощный идеологический аппарат и беспрецедентную в истории человечества систему идеологического воспитания и образования, от которой просто невозможно ускользнуть. Школа, институты, специальные учебные заведения, семинары, курсы, кружки... Идеологией пронизана вся культура (газеты, литература, радио, телевидение). Очевидно, никакая религия не в силах конкурировать с государственной идеологией, никакая другая сектантская идеология. Идеологически обработанному человеку легче жить в советском обществе. С другой стороны, руководству обществом легче манипулировать таким человеком, легче охранять единство, однородность и монолитность общества.

Советская идеология не есть идеология только партии. Верно, что идеологическая работа есть одна из основных функций партии. Но идеологической работой под контролем партии занимается вся сфера культуры. И объектом ее является все население страны.

Заключение. Советский образ жизни не есть нечто раз и навсегда данное и неизменное. Он сложился исторически, и сталинский период был его юностью, его формированием. Теперь он вступил в фазу зрелости. Но и зрелое состояние общественного организма есть постоянное изменение, что само собой разумеется. Какие бы изменения, однако, в нем ни происходили, неизблемыми остаются его основы, его законы, его основные тенденции. Бессмысленно рассчитывать на то, что это общество в силу внутренних причин и под благотворным влиянием Запада будет эволюционировать в сторону демократического общества западного типа. Наоборот, не представляет труда заметить, что Запад в силу внутренних причин и под влиянием дурного примера Советского Союза эволюционирует в сторону общества коммунистического типа. Советский Союз являет собою классический образец того, что ожидает Запад, если он будет до конца эволюционировать в этом направлении, если он не найдет в себе сил противостоять этой тенденции. Западные люди надеются, что, если им не избежать коммунизма, последний будет у них лучше, чем в Советском Союзе. Все может быть. Может быть, будет чуточку сытнее, чуточку занимательнее, чуточку ярче. Но эта «чуточка» не скроет принципиальных основ, которые не могут быть иными в силу неподвластных людям законов. И как знать, может быть, будет и чуточку похуже. Если, например, немцы возьмутся за это дело, они построят коммунизм, по сравнению с которым нацистская Германия покажется верхом либерализма. Советский коммунизм может оказаться мягче западноевропейского, поскольку русские все делают халтурно, в том числе и свой социальный строй.

Абстрактно рассуждая, наиболее вероятная перспектива коммунистического типа общества – развитие и укрепление тех тенденций, которые действуют постоянно, т. е. и сегодня. Среди них – расслоение общества на классы, социальное и материальное неравенство, привилегии для высших слоев и минимальные гарантии для низших, закрепощение всего населения, создание армии рабов, укрепление органов надзора и подавления, подавление всяких попыток оппозиции и сопротивления. Короче говоря, усовершенствованный сталинизм, впитавший в себя некоторые достижения послесталинского «либерального» периода, в особенности безопасность режима для господствующих классов. Конкретно рассуждая, наиболее вероятная перспектива – борьба между коммунистическими и некоммунистическими странами, борьба внутри коммунистической части мира, борьба внутри коммунистических стран – борьба всех против всех. Никакого идеального общества и идеального состояния для всех людей не было и не будет. Нынешнее благополучие Запада есть случайный и временный зигзаг истории.

Париж, 1980

Советский вклад в социальный прогресс человечества

Слово «коммунизм» употреблялось и употребляется во многих значениях. Я в свое время насчитал более сотни различных употреблений. Выбирать какое-то из них в качестве правильного – занятие бессмысленное и бесперспективное, ибо на этот счет никаких принудительных правил нет. К тому же во всех употреблениях этого слова, которые я рассмотрел, логические правила введения научных понятий не соблюдаются. Не соблюдаются они и в марксистской литературе. Это наносило значительный ущерб репутации марксизма. Знаменитое марксистское определение «полного» коммунизма через распределение «по потребности» стало предметом насмешек в самых широких кругах людей.

Состояние терминологии не есть нечто второстепенное, оно есть важный компонент самого способа исследования и понимания обозначаемых ею объектов. Я с самого начала моих размышлений на тему о коммунизме (а это началось еще в конце тридцатых годов двадцатого столетия!) пошел путем, которому не изменял всю жизнь и не намерен изменять впредь. Убедившись в том, что все то, что в те годы (как и во все последующие) печаталось и говорилось о коммунизме и о советской реальности, так или иначе не соответствовало тому, что я сам наблюдал в этой реальности, я принял решение изучать эту реальность как нечто объективно данное мне и вырабатывать свое собственное ее понимание, отбросив упомянутый словесный мусор (разумеется, мусор с моей точки зрения). Я различил коммунизм идеологический (коммунистический идеал) и коммунизм реальный, т. е. тот социальный строй (или тип социальной организации человеческих объединений), который получается на самом деле при попытке воплотить идеал в жизнь, причем получается в силу объективных социальных законов, не зависящих от сознания и воли людей.

В рамках идеологического коммунизма я различил немарксистский и марксистский идеалы. В первом случае имелся в виду идеал социального строя, при котором ликвидируются частная собственность на средства производства, частное предпринимательство и скопление больших богатств в частном владении. Во втором случае – то специфическое, что внес марксизм. Это специфически марксистское привнесение было четко определено классиками марксизма и общепризнано в советской идеологии. Сюда входят доведение классовой борьбы до диктатуры пролетариата, отмирание государства и денег, различения социализма как низшей стадии коммунизма и «полного» коммунизма и т. д. Я установил для себя, что коммунистический идеал в первом смысле сполна реализовался в Советском Союзе в результате Октябрьской революции 1917 года, тогда как марксистский идеал не реализовался и, как я установил, в принципе не мог реализоваться в силу объективных социальных законов, которые, кстати сказать, не были известны марксистам (и прочим специалистам в сфере социальных исследований не известны до сих пор).

Сложившийся в СССР социальный строй я стал называть реальным коммунизмом. Для тех, кто считал его неправильным или ненастоящим коммунизмом, я делал оговорку: кому это название не нравится, можно удовольствоваться термином «советский социальный строй» или, короче, «советизм». Я считал и считаю до сих пор советизм наиболее полным (можно сказать – классическим) воплощением коммунистического идеала в первом смысле. И не вижу в обозримом будущем возможности того, что где-то возникнет нечто близкое к нему по уровню этого типа социальной организации. И, говоря о советском вкладе в социальный прогресс человечества, я имею в виду именно советизм, или реальный коммунизм. В этом отношении наша страна стала величайшим новатором социального прогресса человечества. Советский коммунистический эксперимент является непревзойденным в истории по масштабам, достижениям и влиянию на ход социальной эволюции человечества. И тот факт, что советский коммунизм был разгромлен, не снижает его исторической значительности. Более того, чем дальше он уда-

ляется в прошлое, тем отчетливее проявляются и вырастают его масштабы. Прав был Есенин: большое видится на расстоянии. Убитый великан не становится карликом, а пришедший на его место карлик не становится великаном.

Советизм (реальный коммунизм) возник в нашей стране в результате Октябрьской революции 1917 года и прекратил существование в результате антикоммунистического переворота, который начался в августе 1991 года и завершился в октябре 1993 года. Он прожил немногим более семидесяти лет. Срок с исторической точки зрения ничтожный. Он только вступил в стадию зрелости и еще не успел развернуть во всю мощь заложенные в нем потенции. Он был убит в самом начале своего пути, разрушен искусственно, а не изжил себя, как утверждают его враги, разрушители и мародеры. Тем не менее он успел проявить свою социальную натуру настолько сильно и ярко, что вычеркнуть его из памяти человечества, как это стремятся сделать упомянутые люди, вряд ли удастся. История человечества просто немыслима без него, как немыслима без Великой французской революции конца восемнадцатого века, без наполеоновских войн, без Первой мировой войны, без гитлеровского правления в Германии и других значительных событий реальной истории.

А стремление исказить и вычеркнуть совсем из истории советизм превысило все известные случаи такого рода и невольно порождает сомнение в здравом уме носителей этого стремления. Например, при праздновании Дня Победы над Германией в войне 1941–1945 годов говорили о том, что победу одержал народ. Просто народ. При этом не сказали ни слова о том, что это был народ советский, организованный в коммунистическую социальную систему, возглавлявшийся сталинским руководством и т. д. Победа в этой самой грандиозной войне в истории человечества была прежде всего и главным образом победой советизма. Это исторический факт. И каким бы ни было наше субъективное отношение к советизму, игнорирование его означает умышленную фальсификацию истории.

Поразительно то, что в фальсификации сущности и истории советизма принимают участие не только политики и идеологи, но и люди, претендующие на статус ученых. Официально признанное научное понимание советизма так и не было создано в советские годы. Среди причин, помешавших выработке такого понимания, можно назвать новизну самого предмета и общее состояние социальных исследований в мире. Но главным препятствием при этом, на мой взгляд, стала господствовавшая в стране марксистская идеология. Марксизм сам претендовал на статус высшей науки о социальных явлениях. И все то, что не укладывалось в его рамки, считалось антинаучным и беспощадно преследовалось. С разгромом советизма марксистская идеология была просто отброшена. Но на ее место пришел воинствующий антикоммунизм и антисоветизм, и условия для создания научного понимания советизма нисколько не улучшились. Забавно, что одни и те же попытки построения научной теории советизма, предпринимавшиеся мною, оценивались в советские годы как антисоветизм и антикоммунизм, а теперь оцениваются как апологетика советизма и коммунизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.